

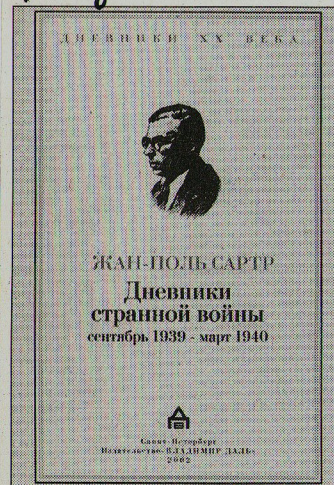
Сартр Жан-Поль

16.5.02

По направлению к Ничто

Война и мир Жана-Поля Сартра

Независимая. — 2002. — 16 мая — с 8

Наталья Осминская

Жан-Поль Сартр. Дневники странной войны. Сентябрь 1939 — март 1940. — СПб.: Владимир Даль, 2002, 815 с.

Сартра призвали на войну 2 сентября 1939 года. Ему 34 года. На его писательском счету роман «Тошнота» и сборник новелл «Стена». Плюс несколько философских работ. Он интеллектуал с уклоном в философию жизни, но и не чужающийся университетской кафедры. Он буржуа с пристальным, но недоверчивым отношением к французской Коммунистической партии: она недостаточно радикальна.

14 сентября 1939 года первая запись в дневнике: «Я отправился в армию «стоиком», это предполагало, что мне пришлось, с одной стороны, перечеркнуть всю прошлую жизнь, а с другой — принять будущее, в котором собственных моих возможностей больше не существовало». Действительно жизнь Сартра резко перевернулась, хотя для русского читателя, воспитанного на героике Великой Отечественной, вся дальнейшая военная линия дневника со всех сторон покажется несерьезной. По косоглазию Сартр попал в нестроевой метеотряд. Передовая была далеко, да

и там первые недели не стреляли. Ходили слухи, что все кончится переговорами. Поначалу Сартр был подневолен обычной муштре, а остальные шесть месяцев в его обязанности входило дежурить в офицерской (спать разрешалось), а днем — проверять готовность приборов. При такой службе у него почти ежедневно находилось 9–13 часов для работы, для своей работы: он начинает трилогию «Дороги свободы», он поддерживает переписку с друзьями, наконец, он ведет дневник,

и там первые недели не стреляли. Он бросает в дневник свои впечатления от только что прочитанного: от дневников Жида, от рассказов Экзюпери, от Достоевского, Ролана, Стендаля, Кафки. На вопрос — а зачем он вообще ведет дневник? — отвечает многократно и по-разному: чтобы свидетельствовать об историческом моменте, чтобы разобраться в себе, чтобы дать ход застопорившейся мысли, набрать обороты рефлексии, наконец, просто для того, чтобы писать: «Даже на войне мне все

смысленной войне и стало трамплином для философского полета Сартра. Из потребности определиться со своим «бытием-на-войне» рождается понимание, что человек никогда не бывает «сам со себе», а всегда — в ситуации, не им придуманной, не им выбранной. Так Сартр постигает хайдеггеровское понятие «заброшенности» в мир. Но Сартра не устраивает идея подневольности человека случайности. Он стремится понять, что значит его собственная воля, что означает обладать возможностями и почему для него — человека нерелигиозного — существует мораль. И вот в этот-то момент — на проблеме моральной ценности — нескончаемые философские пассажи приобретут вдруг несвойственный сартровской мысли афористический вид:

«Мы полностью отвечаем за свою жизнь».

Мир в каждое мгновение присутствует в моей жизни во всей полноте.

Метафизическая ценность того, кто принимает на себя свою жизнь и подлинность. Это единственный абсолютизм».

Да, Сартр со всем основанием мог сказать, что это была его война. Война мыслителя, волею случая заброшенного в пограничную ситуацию и волею другого случая остановленного на самом краю этой ситуации. Кабинетная рефлексия в пяти шагах от поля боя. Философский драйв, питающийся реализмом близкой смерти, реальной возможностью не быть. Философский ступор, вызванный невозможностью быть тем, кем был ранее, располагать собой, быть, как казалось, свободным. И философский инсайт, обнаружение того, что наибольшая свобода достигается тогда, когда историчность момента берет вверх над личным своеволием.

Не знаю, как кому покажется, но мне вся эта история —

Сартр описывает свои чувства: оторопь буржуа, принужденного к грубому солдатскому социализму

иногда заполняя по 10–20 страниц в день. И так до самого немецкого плена в июне 1940-го. За девять месяцев «Дневник» вырос в 15 объемных тетрадей. Из них до наших дней уцелело только шесть. В данном русском издании они занимают семьсот с лишним страниц. Половина «Войны и мира».

Действительно «Дневники странной войны» огромны. В них много длиннот. Сартр дает волю своему писательскому зуду. Он фиксирует вещи, людей, свое настроение, свет луны, мимику офицеров, перебранки солдат, казарменные мизансцены, интонации писем, полученных им из тыла, и реакции на письма, полученные его соседями. Он описывает свои чувства: оторопь буржуа, принужденного к грубому солдатскому социализму, недоумение интеллектуала, не способного уловить политический смысл происходящего, самоуважение воина, умеющего не бравировать своим героизмом перед гражданами.

Потому что я сразу думаю о том, чтобы записать, что чувствую и что вижу. Если я ставлю себя под вопрос, то только для того, чтобы записать результаты этого самонализа...» Но мало-помалу все бытовые, психологические и социологические наблюдения отступают на второй план, а на первый выходит проблема свободы — тема, которая будет центральной в главном философском сочинении Сартра «Бытие и Ничто» (1943).

Для искушенного читателя это будет основной интригой — следить, как из аморфных, сюжетно запутанных, чрезмерно подробных «Дневников странной войны» постепенно вырастает центральная интуиция «Бытия и Ничто». Поначалу Сартр мучительно размышляет над своим вынужденным нахождением на войне, войне, которую он не выбирал (считал себя пацифистом) и целей которой он не понимает. Это двусмысленное положение на дву-

Сартр через полтора месяца после начала войны. «Я фотографируюсь, чтобы посмешишь друзей», — говорил он своим сослуживцам.

история человека, который в период наибольшей скованности обстоятельствами вдруг проникается сознанием своей абсолютной свободы, — удивительно напоминает искания Пьера Безухова. Так сказать, похожий рисунок роли. И знаменитая сцена смеха чрезвычайно соответствует темпераменту Сартра: «Вдруг он захотел своим толстым, добродушным смехом так громко, что с разных сторон с удивлением оглянулись люди на этот странный, очевидно, одинокий смех».

— Ха, ха, ха! — смеялся Пьер. И он проговорил вслух сам с собою: — Не пустил меня солдат. Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня! Меня — мою бессмертную душу! Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!.. — смеялся он с выступившими на глаза слезами...

Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. «И все это мое, и все это во мне, и все это! — думал Пьер. И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!» Он улыбнулся и пошел укладываться спать к своим товарищам».